V 10/399

О НАЧАЛАХЪ

10
399

ПОСТЕПЕННАГО УСОВЕРШЕНСТВОВАНІЯ

ГОСУДАРСТВА.

(Изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія 1837 года, Генварь, № 1.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1837.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
9665-69

О НАЧАЛАХЪ ПОСТЕПЕННАГО УСОВЕРШЕНСТВОВАНІЯ ГОСУДАРСТВА (*).

Мм. Гг.

Физическій міръ, разсматриваемый въ своихъ фактахъ, представляетъ рядъ безпрерывныхъ превращеній, безпрерывнаго движенія; ни въ одномъ изъ своихъ явленій Природа не отмѣчена печатью неизмѣняемости: все движется, все подвержено перемѣнѣ и даже смерть органическаго тѣла есть только послѣдній мигъ перехода изъ одного состоянія въ другое, съ тѣмъ различіемъ, что все, зависѣвшее до тѣхъ поръ отъ жизненныхъ силъ, поступаетъ подъ вліяніе силъ механическихъ, или химическихъ.

(*) Сія Рѣчь была приготовлена къ чтенію въ торжественномъ собраніи С. Петербургскаго Университета истекшаго года.

Между тѣмъ такого рода превращеніе атомовъ, ихъ разложеніе и слитіе и это движеніе не могутъ быть названы игрою случая, и физическій міръ, хотя подверженъ безпрестаннымъ перемѣнамъ, находится тѣмъ не менѣе подъ вліяніемъ вѣковѣчныхъ, опредѣленныхъ Высшею Волею законовъ. Измѣняются однѣ формы, тогда какъ сущность постоянна, неизмѣнна, и прошедшее въ самыхъ перемѣнахъ служитъ всегда образцемъ и правиломъ будущему.

Такимъ-то образомъ мы видимъ, что движеніе и покой (principes de mouvement et de stabilité), хотя они и не составляютъ для физическаго міра условій совершенствованія, къ которому онъ не способенъ, суть для него, тѣмъ не менѣе, два жизненныя начала, двѣ оси, на которыхъ покоится и вмѣстѣ движется этотъ великолѣпный снарядъ. Безъ того вся Природа представляла бы картину или всеобщаго оцѣпенѣнія, или нестройнаго хаоса.

Подобно физическому, нравственный міръ управляется на тѣхъ же началахъ движенія и покоя, и безъ этого взаимнаго и современнаго властвованія, безъ этого спасительнаго сочетанія двухъ стихій, ни общество, ни частный человѣкъ не достигли бы никогда своего назначенія. Но гдѣ искать проявленія и осуществленія этого дивнаго сліянія? Какими путями эти два разнородныя начала сходятся у одной мѣты и съ равнымъ успѣхомъ способствуютъ развитію совершенствованія рода чело-

вѣческаго? Какая сила держитъ въ рукахъ своихъ великій рычагъ, уравновѣшивающій движеніе съ покоемъ, и не препятствуя спройности дальнѣйшаго стремленія человѣка, ведетъ оное по законной колеѣ? Къ счастію, само Провидѣніе позаботилось о сохраненіи этого равновѣсія, надѣливъ человѣка двумя совершенно разнородными качествами, то есть: наклонностію къ привычкѣ и стремленіемъ къ дѣятельности. Съ самаго нѣжнаго возраста они возбуждаются и развиваются въ насъ непрерывно, почти безъ нашего вѣдома. Человѣкъ подобенъ только-что разработанной почвѣ, способной принять всякаго рода насажденія и породить всякаго рода плоды, смотря по качеству брошеннаго въ нее сѣмени. Онъ можетъ равнымъ образомъ украсить свое существованіе добродѣтелями, или обезславить его злодѣяніями; онъ можетъ стать ученымъ, или невѣждой, Поэтомъ, одареннымъ живымъ и блестящимъ воображеніемъ, или строгимъ питомцемъ Архимеда. Въ этомъ смыслѣ, въ первый мигъ рожденія всѣ люди равны между собою, за исключеніемъ одной разницы силъ физическихъ, которыя, хотя и не имѣютъ вліянія на качество плодовъ, долженствующихъ произрасти на этой почвѣ, опредѣляютъ однакожъ степень ея плодовитости и надѣляютъ ее большею или меньшею пріемлемостію. Ежели бы отъ нашей воли зависѣло посѣять на этой почвѣ сѣмена собственнаго выбора, или, говоря иначе, еслибъ мы могли держать младенца постоянно подъ вліяніемъ желанныхъ впечатлѣній, мы образовали бы изъ него

человѣка по нашей волѣ. Но дѣйствительность представляетъ другое. Младенецъ живетъ въ кругу людей, предметовъ, учрежденій. Въ его присутствіи говорятъ и дѣйствуютъ и со временемъ онъ самъ пріобрѣтаетъ способность разсматривать, разбирать, дѣйствовать: кругъ его дѣятельности расширяется, событія слѣдуютъ одно за другимъ и производятъ во всемъ его существѣ различныя ощущенія. Одно его привлекаетъ, другое ему не нравится; онъ ищетъ одного, избѣгаетъ другаго, и получаетъ такимъ образомъ впечатлѣнія, незамѣтно для окружающихъ. Какъ первенцы ощущеній, эти впечатлѣнія тѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ и тѣмъ глубже вкореняются въ младенцѣ, чѣмъ большею онъ одаренъ пріемлемостію. Отъ этихъ-то обстоятельствъ зависитъ для него будущее; это мигъ рожденія нравственныхъ и умственныхъ его способностей, это условіе ихъ позднѣйшаго развитія. Возможность слѣдовать правильно и непрерывно за этимъ постепеннымъ расцвѣтаніемъ способностей человѣка, отъ его колыбели до его могилы, была бы лучшимъ средствомъ обогатить обширную сокровищницу Философіи и замѣнить неоспоримою истиною то, что часто представляется въ видѣ гипотезы. Но кто въ состояніи проникнуть въ глубину этого нравственнаго и умственнаго процесса?

Человѣкъ долгое время дѣйствуетъ и думаетъ такъ, или иначе, руководимый привычкою. Повтореніе извѣстныхъ дѣяній сообщаетъ имъ нѣкоторую

степень удобоисполнимости и пріучаетъ приводить ихъ въ дѣйствіе, безъ затрудненія, иногда съ предубѣжденіемъ, не имѣя возможности оправдать такого образа мыслей, часто не чувствуя въ томъ никакой необходимости.

Когда человѣкъ достигаетъ высшаго умственнаго развитія и самопознанія, тогда только старается онъ проникать все умомъ, оцѣнивать, находить всему причины и обращать въ правило то, что до сихъ поръ казалось ему дѣломъ чувствованій или привычки. Между тѣмъ и этотъ разборъ и этотъ выводъ началъ всегда совершаются подъ вліяніемъ привычки. Человѣкъ все пріобрѣтаетъ, такъ сказать, ученіемъ; идею добра и зла, нравственности и благопристойности. Нѣтъ сомнѣнія, что эта идея, во всей ея чистотѣ и въ томъ видѣ, какъ ее должно разумѣть слѣдуя уставамъ нашей священной Вѣры и даже законамъ разума, не можетъ измѣняться по различію времени или мѣста; что всегда и всюду она одна и вѣковѣчна; но къ несчастію люди понимаютъ и приспособляютъ ее различно, часто ошибочно, и можно ли въ этомъ зачатіи идей, ихъ сочетаніи и приложеніи не признать могущества привычки и примѣра?

Но послѣдуемъ за человѣкомъ въ Государствѣ, этомъ соединеніи людей, составляющемъ для него безусловную необходимость, неизбѣжное требованіе къ достиженію всякаго совершенствованія, къ ка-

кому онъ только способенъ. Его предки уже приготовили ему міръ религіозный, нравственный, политическій. Они завѣщали ему свои повѣрья, идеи, учрежденія, которыя онъ всосалъ, такъ сказать, вмѣстѣ съ молокомъ матери, и которыми онъ научился дорожить съ самаго нѣжнаго возраста. По мѣрѣ того, какъ онъ глубже познаетъ свою природу, свое назначеніе и пріобрѣтаетъ большую способность изслѣдывать, различать, анализировать, онъ лучше начинаетъ постигать силу и взаимныя отношенія органовъ общественной жизни; онъ все оцѣниваетъ, оправдываетъ, все любитъ и приводитъ въ исполненіе, движимый не однимъ чувствомъ, но и глубокимъ сознаніемъ истины и долга. Привязанность къ повѣрьямъ, идеямъ, учрежденіямъ предковъ, бывшая до сихъ поръ только потребностію его сердца, становится для него теперь потребностію разума и совѣсти. Проникнутый сознаніемъ святости своей Вѣры, въ которой онъ возмужалъ, и зная, что внѣ ея онъ не нашелъ бы ни блага, ни спасенія, онъ привязывается къ ней душею; онъ привязывается къ своему Правительству, будучи положительно убѣжденъ, что только настоящая форма и законность его сообщаютъ политическому тѣлу шагъ твердый, постепенный, но всегда спокойный и правильный, какъ единственное условіе законнаго порядка силы и благоденствія Государства. Онъ преисполненъ вѣрности и преданности къ своему Монарху, потому что любитъ Отечество, твердо убѣжденъ, что не льзя и не должно отдѣлять идеи Царя отъ идеи Отечества, и ясно видитъ,

что благо общее не разлучно съ видами самаго Монарха, который исполненъ единственнаго и постояннаго желанія утвердить могущество Государства, поддержать народную честь и обезпечить какъ для всѣхъ своихъ подданныхъ вообще, такъ и для каждаго въ особенности, возможность наслаждаться совершеннѣйшимъ благоденствіемъ. Онъ еще привязанъ къ законамъ и учрежденіямъ страны, потому что подъ сѣнію ихъ находитъ себѣ защиту и средства къ достиженію своихъ цѣлей; въ нихъ читаетъ онъ самую краснорѣчивую лѣтопись о родинѣ и находитъ драгоцѣннѣйшее наслѣдіе отцевъ. Наконецъ онъ любитъ нравы и обычаи своихъ предковъ, потому что въ этомъ зеркалѣ отражается его народная особенность и что онъ гордится принадлежать къ своему народу.

Эта привязанность къ Вѣрѣ, Монарху, народнымъ учрежденіямъ, порожденная первоначально примѣромъ и привычкой, оправданная въ послѣдствіи разумомъ, составляетъ начало *покоя*; это основа всякаго прочнаго совершенствованія, это капиталъ, оставленный намъ предыдущими поколѣніями, который мы должны хранить, какъ священное достояніе, и со временемъ употребить на пользу потомства. Государство не есть явленіе мимолетное: его политическія и нравственныя учрежденія не суть дѣло одного дня. Все имѣетъ свой корень и свою причину; все управляется идеею. Нашъ вѣкъ приготовленъ прошедшими и трудится въ свою очередь для будущаго. Пренебреженіе къ

спасительному началу покоя было бы святотатствомъ и въ то же время приговоромъ собственаго уничтоженія: потому что, если бы при образованіи общественныхъ и политическихъ отношеній люди прибѣгали къ одной философской стихіи, теряя совершенно изъ виду элементъ положительно-историческій, или иначе, еслибъ все свершалось въ слѣдствіе минутнаго наитія и исключительно на основаніи истинныхъ или ложныхъ, но поддерживаемыхъ общимъ мнѣніемъ, современныхъ системъ, безъ всякаго уваженія къ прошедшему, въ такомъ случаѣ гдѣ нашелъ бы человѣкъ ручательство въ прочности своего творенія? Настоящее поглотило бы прошедшее и въ свою очередь было бы поглощено будущимъ. Намъ представился бы безпрерывный рядъ созданія и разрушенія, ранняго зачатія и преждевременной смерти. Успѣхъ истинный и продолжительный уступилъ бы мѣсто нескончаемымъ перемѣнамъ.

Но признавая вполнѣ святость начала покоя, мы не станемъ оспоривать у разума его правъ — и, въ благочестивомъ стремленіи къ сохраненію прошедшаго, мы не станемъ обрекать рода человѣческаго въ жертву неподвижности, застою всякаго движенія. Законы разума, въ томъ видѣ, въ какомъ они должны быть понимаемы при представленіи чистѣйшаго ихъ идеала, недоступны понятію вѣковъ. Человѣкъ иногда къ нимъ приближается, но никогда до нихъ не достигнетъ. Тѣмъ не менѣе, сообразно своему высокому назначенію, онъ долженъ

искать средствъ большаго и большаго къ нимъ приближенія — и съ этою цѣлію онъ обязанъ извлекать пользу изъ капитала, оставленнаго ему въ наслѣдіе предками и даже умножать его. Короче сказать, ему предстоитъ *дѣйствовать*. Такимъ-то образомъ совершенствованіе рода человѣческаго кромѣ условія *покоя*, требуетъ другаго условія — *движенія*. Это начало проявляется какъ въ массѣ общества, такъ равно и въ частномъ лицѣ: въ послѣднемъ — стремленіемъ къ дѣятельности, въ первомъ — потребностію и духомъ улучшеній. Не смотря на привязанность человѣка къ положительному, онъ не довольствуется однимъ сохраненіемъ того, чѣмъ уже обладаетъ, что знаетъ: онъ напротивъ того жаждетъ распространить предѣлы своей собственности, своихъ познаній, и не только въ матеріальномъ, но также и въ нравственномъ, умственномъ отношеніи. У него есть нужды, желанія; но ни въ тѣхъ, ни въ другихъ, онъ вполнѣ никогда не удовлетворенъ: потому что въ то самое время, какъ онъ заботится о ихъ удовлетвореніи, изъ самыхъ къ тому средствъ для него рождаются новыя, такъ что это умноженіе потребностей и желаній тѣмъ сильнѣе, чѣмъ далѣе человѣкъ продвинулся на пути образованія.

Тогда-то возбуждается его дѣятельность; онъ уже не довольствуется спрадательною ролью получающаго; онъ стремится въ болѣе благородный кругъ бытія: онъ хочетъ самъ быть дѣйствователемъ, творцемъ. Не покидая уваженія къ про-

Государственная

шедшему и стараясь черпать въ этомъ обильномъ источникѣ, онъ хочетъ однакожь самъ быть участникомъ въ дѣлѣ общаго совершенствованія; онъ жаждетъ оставить какой-нибудь слѣдъ своего существованія на землѣ. Ежели въ прошедшемъ онъ находитъ богатый рудникъ матеріаловъ, то онъ не оставляетъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ нашелъ: въ дѣятельности своей онъ ихъ сравниваетъ, умѣряетъ и добавляетъ своимъ, такъ что изо всего этого возникаетъ твореніе совершенно новое. Такъ-то дѣятельность есть мать всякаго успѣха, и каждый новый успѣхъ, въ свою очередь, возбуждаетъ новую дѣятельность и поощряетъ къ оной.

Но должно ли заключать, что всякій плодъ человѣческой дѣятельности есть уже самъ по себѣ успѣхъ къ достиженію совершенства? Нѣтъ, Мм. Гг., я этого не говорю: я скорѣе готовъ сознаться, что это положеніе весьма проблематическое. Тѣмъ не менѣе каждая новая идея есть уже необходимо успѣхъ для того, кто ею занимается, изощряя его мысли и надѣляя его самопознаніемъ: какъ бы впрочемъ прудъ ни былъ пятнистенъ и безплоденъ, и какъ бы грустно ни было сознаніе неудачи, еслибъ даже онъ былъ подавленъ подъ тяжестію своей ноши, то и тутъ, въ утѣшеніе ему, остается мысль, что онъ испыталъ свои силы. «Должно страдать»—говоритъ одинъ Юрисконсультъ-Философъ — «должно страдать тому, кто намѣренъ изучать и дѣйствовать; и пока душа не была въ

огнѣ, чего ожидать отъ этой саламандры, которая не подвергалась должному испытанію? »

Эта дѣятельность, бывающая поочередно причиною и слѣдствіемъ совершенствованія всякаго человѣка, проявляющаяся различными способами во всемъ составѣ общественнаго тѣла, порождаетъ въ немъ потребность и духъ преобразованій. Новыя идеи и новыя общественныя отношенія требуютъ новыхъ созданій, и не всегда согласуясь съ прежними законами и учрежденіями, вызываютъ ихъ дополненіе или измѣненіе. Каждое твореніе человѣка имѣетъ достоинство только относительное, и то, что въ одномъ вѣкѣ казалось хорошо и спасительно, можетъ быть недостаточно въ другомъ. Но и дополненія и измѣненія эти должны быть основаны на священномъ началѣ покоя. Законами разума и опытомъ вѣковъ ясно доказано, что реформа тогда только имѣетъ законность и прочность и ведетъ къ предполагаемой цѣли, когда проистекаетъ отъ Верховной Власти. Не взирая на успѣхи просвѣщенія, масса народа находится всегда и всюду въ возрастѣ несовершеннолѣтія; одно Правительство, возвышаясь по своему положенію надъ всѣми, и обнимая въ одно время всѣ отношенія и связи, можетъ указать середину въ средствахъ, слѣдовать за реформою, провести настоящую черту разграниченія между двумя условіями и согласить противоположные интересы и виды различныхъ классовъ и сословій; одно только Правительство, имѣющее во всѣхъ

своихъ дѣйствіяхъ конечною цѣлію общественное благо, трудится единственно на пользу всего народа. Такимъ образомъ начало въ реформахъ принадлежитъ единственно Правительству; частнымъ же лицамъ предстоитъ только всѣми силами и со всевозможнымъ усердіемъ споспѣшествовать благодѣтельнымъ его видамъ. Что же думать о всемогуществѣ такъ называемаго *общаго мнѣнія*, этого идола современныхъ умовъ, въ которомъ всѣ желали бы видѣть указателя и руководителя въ реформахъ? Что подумать объ этомъ чудовищѣ, надѣленномъ тысячью устъ, изъ которыхъ каждая издаетъ тысячи различныхъ звуковъ? объ этомъ чудовищѣ, имѣющемъ тысячу ногъ, изъ которыхъ каждая принимаетъ свое отдѣльное направленіе. Въ этомъ ли столкновеніи разнородныхъ и другъ другу противорѣчащихъ мнѣній должно искать выраженія народныхъ потребностей и мѣру преобразованій? Нѣтъ, Мм. Гг., Правительство твердое должно имѣть свои собственныя истины и начала. доказывать противное значило бы сознаваться, что мы движемся ощупью; это значило бы сознаваться въ собственномъ безсиліи. Блаженъ, сто крат блаженъ народъ, котораго Правительство, непоколебимое въ своихъ преднамѣреніяхъ, неизмѣнное въ началахъ, слѣдуетъ одному предначертанію, и въ полномъ сознаніи силъ своихъ дѣйствуетъ могущественно, стройно, презирая полумѣры, эту хромую и шаткую политику, изображеніе слабаго младенца или безсильнаго старца!

Вотъ, Мм. Гг., два начала постепеннаго усовершенствованія Государства. Для достиженія этой цѣли содѣйствіе обоихъ необходимо: начало движенія сообщаетъ дѣятельности человѣка безпрерывное стремленіе къ совершенствованію; начало покоя служитъ ей при этомъ основою и кореннымъ условіемъ. Первое является въ видѣ могущественнаго дѣйствователя, главнаго двигателя всякаго совершенствованія; другое служитъ къ сохраненію его и составляетъ въ семъ случаѣ единственнаго руководителя. Безъ начала движенія не было бы жизненныхъ силъ, не было бы успѣха: все представляло бы застой и гніеніе, и всякій зародышъ развитія былъ бы уничтоженъ прежде появленія своего на свѣтъ. Безъ начала покоя ничего вѣрнаго, ничего постояннаго, и въ этомъ вихрѣ событій, въ этомъ быстромъ и неправильномъ послѣдованіи идей и учрежденій, ничто не могло бы пріобрѣсти извѣстной степени прочности, все было бы шатко, и всякій шагъ къ совершенству, не имѣя возможности упрочиться, необходимо долженъ былъ бы уничтожиться, только-что родившись.

Но въ какой странѣ соединеніе этихъ двухъ началъ представляетъ состояніе болѣе счастливое, чѣмъ въ нашемъ любезномъ Отечествѣ? И гдѣ содѣйствіе ихъ въ великомъ дѣлѣ совершенствованія болѣе ощутительно? Привязанность къ Вѣрѣ, въ соединеніи съ величайшею вѣротерпимостію; безграничная преданность Монарху, любовь къ Отечеству и народности, вотъ прочныя осно-

вания, на которыхъ у насъ держится священно начало *покоя*, вотъ причина и условіе нашего мо гущества и благосостоянія. Улучшенія, предпри нимаемыя Правительствомъ, сообразно потребно спямъ времени, и приводимыя въ исполненіе му жами въ равной степени извѣстными своимъ обра зованіемъ и усердіемъ, составляютъ у насъ начал движенія, тѣмъ болѣе спасительное и дѣйстви тельное, что Верховная Власть, самодержавная неограниченная, не встрѣчаетъ запрудненій в исполненіи своихъ благодѣтельныхъ цѣлей. И как блистательны слѣдствія сочетанія этихъ двух началъ! Обратимся къ Исторіи: сколько наро довъ, которымъ не доставало начала покоя, был взволнованы до дна; сколько другихъ, которые в совершенномъ отсутствіи начала движенія, осу ждены на долгую неподвижность или даже отсту пили назадъ! Мы не страшимся этихъ бѣдствій У насъ преобразованія производятся безпрерывно но приводимыя въ исполненіе спройно и законно они дѣйствительны, прочны и заключаютъ уже въ себѣ зародыши будущаго улучшенія. Въ Литературѣ, въ Наукахъ, въ узаконеніяхъ и общественных учрежденіяхъ, наконецъ во всѣхъ отрасляхъ промышлености, мы совершаемъ исполинскіе успѣхи, и благодаря счастливому слiянію началъ покоя и движенія, мы никогда не остановимся. Но явленія въ семъ случаѣ говорятъ за насъ съ большимъ краснорѣчіемъ. Придите и воззрите: цвѣтущая внутри, сильная и уважаемая извнѣ, Россія, кажется, призвана самимъ Провидѣніемъ быть достойною

представительницею Славянскаго имени, держать въ рукахъ своихъ вѣсы мира въ Европѣ и сообщать племенамъ Азіи образованность Европейскую.

Благословимъ же Небо за то, что оно намъ дозволило быть сынами сего возлюбленнаго Отечества и, полные народной гордости, сольемъ всѣ наши желанія во славу благополучнаго и мирнаго царствованія нашего Августѣйшаго Монарха; воздадимъ должную дань признательности усердію и неусыпнымъ стараніямъ Начальства, и посреди всеобщихъ успѣховъ, употребимъ всѣ силы къ тому, чтобы содѣйствовать цвѣтущему и достославному существованію сего храма Наукъ.

Экстраординарный Профессоръ С. Петербургскаго Университета

Ивановскій.

2007096111